

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 340

21 декабря 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя М., выступающей также в качестве представителя заявителя М.Д. (доверенность серии ... от 31 июля 2023 года, удостоверена Б., нотариусом города Москвы), адвоката А., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М. и М.Д. от 31 июля 2023 года (вх. № ... от 25.08.2023) и жалобе М.Д. от 05 октября 2023 года (вх. № ... от 31.10.2023) в отношении адвоката А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 08 ноября 2023 года вынесла заключение:

– о нарушении адвокатом А. взаимосвязанных положений п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (*адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции*), п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (*адвокат не вправе давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи или доверителю обещания положительного результата выполнения поручения*) и пп. 2, 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката (*информация об адвокате и адвокатском образовании не должна содержать...отзывов других лиц о работе адвоката, ...заявлений, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей или вызвать у них безосновательные надежды*), выразившемся в указании период времени с 25 февраля 2017 года по 23 июня 2022 года на главной странице принадлежащего адвокату А. сайта <www...ru> в разделе «Обо мне» сведений о «95% дел, решенных положительным образом», а в разделе этого же сайта с названием «Умеем решать проблемы» фразы «*Результат только положительный. Никаких вариантов!*» и отзывов других лиц о работе адвоката А.;

– о нарушении адвокатом А. п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в приложении им 05 декабря 2022 года к исковому заявлению в Г. районный суд города Москвы к ответчику М. о взыскании сумм неосновательного обогащения, не связанному с его профессиональной деятельностью как адвоката, полученных им в ходе выполнения профессиональных обязанностей по защите обвиняемого М.Д., являющегося супругом ответчика М., процессуальных документов из уголовного дела № ..., а именно копии постановления о привлечении М.Д. в качестве обвиняемого от 31 мая 2022 года, копии отмененного постановления Н. районного суда города Москвы об избрании М.Д. меры пресечения в виде заключения под стражу от 04 июня 2022 года и копии постановления следователя от 28 июля 2022 года о квалификации действий М.Д., в ситуации полного отсутствия какого-либо значения указанных документов для предмета доказывания по данному гражданскому делу;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по жалобе М. от 31 июля 2023 года (вх. № ... от 25.08.2023), в части дисциплинарных обвинений в оказании адвокатом А. юридической помощи ее супругу М.Д. ненадлежащего качества, а также в части разглашения адвокатом А. сведений из уголовного дела в отношении М.Д. и составляющих адвокатскую тайну, – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по жалобе М.Д. от 05 октября 2023 года (вх. № ... от 31.10.2023), в части дисциплинарных обвинений в ненадлежащей формализации адвокатом А. отношений с доверителем М. при заключении ею Соглашения об оказании юридической помощи от 31 мая 2022 года в интересах М.Д., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по жалобе М. от 31 июля 2023 года (вх. № ... от 25.08.2023) и жалобе М.Д. от 05 октября 2023 года (вх. № ... от 31.10.2023), в части дисциплинарных обвинений в ненадлежащем исполнении адвокатом А. профессиональных обязанностей в отношении доверителя Г., а также нарушении адвокатом А. требований Кодекса профессиональной этики адвоката в отношении Е. и С. – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по жалобе М. от 31 июля 2023 года (вх. № ... от 25.08.2023) и жалобе М.Д. от 05 октября 2023 года (вх. № ... от 31.10.2023), в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель М.Д., извещенный надлежащим образом, на момент рассмотрения настоящего дисциплинарного производства отбывает наказание в виде лишения свободы.

Заявитель М., выступающая также в качестве представителя заявителя М.Д., в заседании Совета подтвердила, что получила заключение Квалификационной комиссии, ознакомилась с ним, с выводами согласна частично, поддержала доводы своего письменного заявления (вх. № ... от 20.12.2023), в котором выразила несогласие с оценкой Квалификационной комиссией ряда доказательств и ее выводом о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части разглашения адвокатом А. адвокатской тайны. Полагает необходимым прекратить статус адвоката А. за его недобросовестные действия.

Адвокат А. в заседании Совета подтвердил, что получил заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ними, с выводами согласен частично. Поддержал доводы, изложенные в письменном заявлении о несогласии с заключением Квалификационной комиссии (вх. № ... от 18.12.2023), в котором, признавая нарушение в части содержания своего персонального сайта, оспаривал наличие у него умысла на совершение действий, направленных к подрыву доверия, и просил прекратить дисциплинарное производство вследствие малозначительности нарушения, а также вследствие отсутствия в его действиях нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации. Если же Совет усмотрит в его действиях нарушение, то просил «не применять суровую меру дисциплинарной ответственности».

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым частично изменить правовую квалификацию действий адвоката А. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат А. разместил в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по электронному адресу <...> свой личный профессиональный сайт, безусловно свидетельствующий о принадлежности его владельца к адвокатскому сообществу. Как следует из архивных копий данного сайта, обнаруживаемых через сайт <https://web...org/>, по состоянию с 25 февраля 2017 года по 23 июня 2022 года на главной странице сайта «...», принадлежащего адвокату А., в разделе «Обо мне» были размещены следующие сведения, на которые ссылаются в своих жалобах заявителя М. и М.Д.: *«95% дел решено положительным результатом», «умеем решать проблемы», а в разделе «Умеем решать проблемы» – «Результат Только положительный. Никаких вариантов!»*, а также неverified отзывы о работе адвоката А.

Данная информация в соответствии с абз. 5 Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 17 апреля 2019 года № 01/19 по вопросу применения п. 1 ст. 17

Кодекса профессиональной этики адвоката (опубликовано на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/interpretation-no-01-19/>) является недопустимой, поскольку путем ложных заявлений, обещаний и искажения фактов вводит потенциальных доверителей адвоката в заблуждение относительно характеристик адвоката и оказываемой им юридической помощи. Эта оценка прямо распространена указанными Разъяснениями, в частности, на информацию об адвокате, содержащую сведения о количестве оправдательных приговоров, постановленных в отношении доверителей адвоката, и о проценте «выигранных» дел. По этой причине утверждение о 95% дел, решенных адвокатом А. «положительным образом», не может рассматриваться как допустимые сведения о положительном профессиональном опыте данного адвоката. Адвокатом А. не представлено каких-либо методик подсчета, а равно конкретных расчетов и их результатов, в соответствии с которыми им была указана информация о 95% положительно завершенных дел. При таких обстоятельствах размещение адвокатом А. на персональном сайте информации о том, что им «95% дел решено положительным результатом», противоречит пп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката.

К такому же выводу Совет приходит и по отношению к фразе «*Результат Только положительный. Никаких вариантов!*», которая, кроме того, нарушает прямой запрет обещания положительного результата, предусмотренный п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет считает необходимым отметить, что ведение адвокатом персонального сайта, в первую очередь, направлено на привлечение доверителей. Следовательно, анализируемое утверждение адвоката А. обращено именно к лицам, которые рассматривают вопрос об обращении к нему за профессиональной юридической помощью либо уже обратились за ней.

Неверифицируемые отзывы неизвестных лиц о работе адвоката А., приведенные в заключении Квалификационной комиссии, также недопустимы в силу прямого указания п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет отмечает, что действия технического специалиста, оказывающего адвокату помощь в администрировании персонального сайта адвоката или адвокатского образования, не освобождают самого адвоката от ответственности за содержание всей информации, размещенной на его сайте, и ее соответствие профессионально-этическим требованиям, поскольку именно на адвоката возложена обязанность соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъектов Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции (пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката). При этом Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утверждены Решением Совета

Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 года (протокол № 7), опубликованы на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rules-of-conduct-for-lawyers-in-the-information-telecommunication-network-internet/>>) устанавливают обязанность адвоката по постоянной проверке своих интернет-ресурсов на наличие посторонней информации (пункт 2.4.2). Таким образом, именно адвокат А., обязанный в соответствии с п. 1.3 указанных Правил обеспечить соответствие своего поведения в сети «Интернет» тем же требованиям, которые предъявляются к иным действиям адвоката в профессиональной сфере, несет ответственность за допустимость и добросовестность всего контента, размещаемого им на персональном сайте. Нарушение адвокатом указанных Правил, в соответствии с их пунктом 1.4, может расцениваться как нарушение правил адвокатской профессии и норм профессиональной этики адвоката и стать основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности.

Совет отмечает, что указанная выше недопустимая информация была размещена на сайте адвоката А. начиная с 25 февраля 2017 года, то есть до заключения им первого Соглашения об оказании юридической помощи М.Д. от 26 декабря 2017 года № ...

Адвокат А. не оспаривает наличие на своем персональном сайте всех указанных сведений.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат А., разместив в период с 25 февраля 2017 года по 23 июня 2022 года включительно перечисленную выше недопустимую информацию, нарушил взаимосвязанные требования п. 6 ст. 15, п. 2 ст. 10 и пп. 2, 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Переходя к дисциплинарному обвинению в том, что адвокат А. приложил к своему исковому заявлению от 19 января 2023 года о взыскании с М. неосновательного обогащения, поданному в Г. районный суд города Москвы, копии материалов уголовного дела № ... в отношении М.Д., а именно постановления о привлечении М.Д. в качестве обвиняемого от 31 мая 2022 года, постановления Н. районного суда города Москвы от 04 июня 2022 года об избрании в отношении М.Д. меры пресечения в виде заключения под стражу и постановления следователя от 28 июля 2022 года о квалификации действий М.Д. при отсутствии «согласия или разрешения М.Д.», Совет признает, что в этой части презумпция добросовестности адвоката А. опровергнута.

Квалификационной комиссией установлено, что 31 мая 2022 года между адвокатом А. и заявителем М. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи № ..., предметом которого являлась защита М.Д. по уголовному делу № ... на стадии предварительного расследования. 10 ноября 2022 года постановлением заместителя начальника СО ОМВД России по району О. города Москвы Б., адвокат А. был отведен от защиты обвиняемого М.Д. в связи с тем, что он на стадии доследственной проверки материалов, по которым впоследствии было возбуждено уголовное дело

№ ... в отношении М.Д., оказывал юридическую помощь свидетелю Г., избличающему М.Д. в совершении преступления. В этой связи адвокат А. 25 ноября 2022 года уведомил М. о невозможности продолжения исполнения поручения по защите М.Д. по указанному уголовному делу. В январе 2023 года А., действуя в качестве частного лица, подал в суд указанный иск к М. о взыскании неосновательного обогащения в размере 3 556 007 рублей, а также расходов по оплате государственной пошлины в размере 25 980 рублей. К исковому заявлению А. приложил, помимо других документов, копии постановления о привлечении М.Д. в качестве обвиняемого от 31 мая 2022 года, постановления Н. районного суда города Москвы от 04 июня 2022 года об избрании в отношении М.Д. меры пресечения в виде заключения под стражу и постановления следователя от 28 июля 2022 года о квалификации действий М.Д., то есть копии документов, полученных им при исполнении поручения по защите М.Д. на основании указанного выше Соглашения.

Поводом к подаче адвокатом А. искового заявления явились обстоятельства, не связанные с его профессиональной деятельностью.

Решением Г. районного суда города Москвы от 26 сентября 2023 года исковые требования А. к М. были удовлетворены, с М. в пользу А. взысканы денежные средства в сумме 3 556 007 рублей и судебные расходы. В указанном решении суд указал: «31 мая 2022 года М.Д. арестовали, истец был его адвокатом, помогал ему, надеялся, что он вернет ему деньги». Каких-либо иных ссылок на приложенные адвокатом А. к иску материалы из уголовного дела № ... в отношении М.Д. суд в своем решении не привел.

Совет обращает особое внимание на то обстоятельство, что адвокат А., приложив к своему исковому заявлению копию постановления суда об избрании в отношении М.Д. меры пресечения в виде заключения под стражу, заведомо знал, что данное постановление отменено апелляционным постановлением Московского городского суда от 18 июля 2022 года, и в отношении М.Д. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, так как данное решение было принято судом апелляционной инстанции по жалобе самого адвоката А.

Адвокат А. не отрицает приведенных выше фактических обстоятельств, в том числе и того, что приложенные им к исковому заявлению процессуальные документы из уголовного дела № ... в отношении М.Д. получены им при исполнении профессиональных обязанностей защитника последнего.

Оценивая профессиональное поведение адвоката А. в части, касающейся данного дисциплинарного обвинения, Совет исходит из следующих основополагающих требований законодательства и профессиональной этики. Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам (абз. 1 п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Институт независимой адвокатуры является гарантией конституционного права граждан, в том числе обвиняемых в уголовном судопроизводстве, на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции

РФ, Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П). Отношения, складывающиеся между адвокатом и лицом, защиту которого адвокат осуществляет, основано на особых, лично-доверительных отношениях подозреваемого, обвиняемого со своим защитником (постановления Конституционного суда Российской Федерации от 27 марта 1996 года № 8-П, от 29 ноября 2010 года № 20-П и др.). Это позволяет достичь эффективности как получаемой юридической помощи, так и судебной защиты в целом, поскольку осуществление представительства в деле тем адвокатом, которому подзащитный доверяет и с которым он может согласовать позицию в ходе производства по делу (стратегию стороны защиты), максимально способствует реализации законных интересов подозреваемого, обвиняемого. В Кодексе профессиональной этики адвоката также подчеркивается, что связь между адвокатом и доверителем основывается на лично-доверительном характере отношений между ними (статья 5 и пункт 1 статьи 6 Кодекса) (Постановление Конституционного суда РФ от 17 июля 2019 года № 28-П). В соответствии с п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 15 января 2016 года № 76-О указал: «Разъясняя ориентиры для понимания соответствующих гарантий, Кодекс поведения для юристов в Европейском сообществе (принят 28 октября 1988 года Советом коллегий адвокатов и юридических сообществ Европейского Союза) относит к существенным признакам адвокатской деятельности обеспечение клиенту условий, когда он может свободно сообщать адвокату сведения, которые не сообщил бы другим, и сохранение адвокатом как получателем информации ее конфиденциальности, поскольку без уверенности в конфиденциальности не может быть доверия; при этом требованием конфиденциальности определяются права и обязанности адвоката, имеющие фундаментальное значение для профессиональной деятельности, – адвокат должен соблюдать конфиденциальность в отношении всей информации, предоставленной ему самим клиентом либо полученной им относительно его клиента или других лиц в ходе оказания юридических услуг, причем обязательства, связанные с конфиденциальностью, не ограничены во времени (пункт 2.3). Согласно же Основным принципам, касающимся роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в августе – сентябре 1990 года), правительствам надлежит признавать и обеспечивать конфиденциальный характер любых консультаций и отношений, складывающихся между юристами и их клиентами в процессе оказания профессиональной юридической помощи».

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат А., действуя в качестве частного лица в целях защиты своих прав и интересов в связи с обстоятельствами, не связанными с его профессиональной деятельностью адвоката, использовал полученные им в

ходе исполнения профессиональных обязанностей по защите обвиняемого М.Д. по уголовному делу № ... перечисленные выше процессуальные документы при полном отсутствии какой-либо необходимости в их приобщении к материалам гражданского дела № ... по его иску к ответчику М. о взыскании неосновательного обогащения. Эти действия адвоката А. Совет квалифицирует как направленные к подрыву доверия, то есть нарушающие требования п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката А. о том, что приобщение к иску перечисленных документов он рассматривал как допустимую меру защиты своих интересов, предусмотренную п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку эти процессуальные документы из уголовного дела в отношении М.Д. заведомо не имели никакого отношения к предмету доказывания по иску, который был предъявлен адвокатом А. к М. То обстоятельство, что представленные адвокатом А. документы не были признаны судом недопустимыми или неотносимыми доказательствами, а также то, что они перечислены в протоколе судебного заседания, не свидетельствует о том, что они имели какое-либо доказательственное значение. Совет не может согласиться и с доводом адвоката А. о том, что указанные документы имели значение для доказывания факта удержания неосновательно полученных денежных средств. При рассмотрении исков о взыскании неосновательного обогащения истец обязан доказать факт получения ответчиком имущества без законных на то оснований. В свою очередь, именно на ответчика возлагается обязанность доказать факт возвращения неосновательно полученного имущества, если такая позиция им заявлена в ходе судебного разбирательства. Что же касается довода адвоката А. о том, что суд признал указанные выше документы значимыми для дела, то Совет отмечает его явно надуманный характер. Дополнительно Совет отмечает, что в ситуации, когда предмет гражданского спора между адвокатом и его доверителем связан не с их отношениями, основанными на профессиональной деятельности адвоката по оказанию юридической помощи, а с иными отношениями, положения п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики, на которые адвокат А. ссылается, неприменимы. Являясь профессиональным советником по правовым вопросам, адвокат А. не мог не осознавать все эти обстоятельства, о чем свидетельствует и впоследствии признанная им в заседании Совета неправомерность этих его действий.

Вместе с тем, Совет не находит оснований для квалификации указанных действий адвоката А. как нарушающих требования п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку правильно установленные Квалификационной комиссией фактические обстоятельства не свидетельствуют о совершении адвокатом А. каких-либо действий, которые могут быть квалифицированы как злоупотребление доверием М. и М.Д. По этой причине Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но

допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом А. требований п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката вследствие отсутствия в его действиях указанного нарушения.

Применительно к доводам жалобы М. о ненадлежащей формализации отношений между ней и адвокатом А. Совет отмечает, что в результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлен факт заключения М. с адвокатом А. Соглашения от 31 мая 2022 года на защиту М.Д. по уголовному делу в простой письменной форме, а также тот факт, что по данному соглашению какое-либо вознаграждение адвокату А. доверителями не выплачивалось. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает рассматриваемое дисциплинарное обвинение необоснованным.

Доводы жалоб заявителей о совершении адвокатом А. незаконного воздействия на свидетелей по гражданским и уголовным делам не могут быть рассмотрены по существу в настоящем дисциплинарном производстве, поскольку дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не наделены полномочиями по разрешению обращений о совершении уголовно-наказуемых деяний. Согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов РФ 28 января 2016 года (Протокол № 3) и опубликованным на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<http://www.fparf.ru>>, компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, установленном УПК РФ.

В отношении оставшихся дисциплинарных обвинений Совет считает необходимым отметить следующее. В пункте 1 Разъяснений № 12 «Об особенностях заключения и оформлении соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 июня 2019 года (Протокол № 8) и опубликованных на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/activity/info/6118/>, указано, что лицо, заключающее и подписывающее соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, и само лицо, которому оказывается

юридическая помощь (третье лицо/назначенное лицо/обвиняемый (подозреваемый)), в силу положений ст. 6.1. Кодекса профессиональной этики адвоката оба являются доверителями адвоката, однако, имеют различные права по доступу к информации, полученной в ходе оказания юридической помощи. Правом распоряжения сведениями, являющимися адвокатской тайной, и полным безусловным доступом к информации, полученной в ходе оказания юридической помощи, обладает только обвиняемый (подозреваемый), которому оказывается юридическая помощь. Он же вправе свободно выбирать защитника (в том числе, одобрять или не одобрять выбор, сделанный в его интересах лицом, заключившим соглашение с адвокатом) и оценивать качество оказанной юридической помощи, тогда как лицо, заключившее соглашение, также именуемое доверителем адвоката, имеет право на предъявление дисциплинарных обвинений, касающихся формализации отношений между ним, как стороной в Соглашении об оказании юридической помощи третьему лицу, и адвокатом.

С учетом изложенного, полностью идентичные доводы жалоб заявителей М. и М.Д. могут быть оценены органами адвокатского самоуправления только в пределах тех допустимых поводов, в части которых каждый из заявителей имеет право на выдвижение дисциплинарных обвинений. Поскольку заявитель М. не являлась получателем юридической помощи адвоката А., в части выдвинутых в ее жалобе дисциплинарных обвинений в оказании им ненадлежащей юридической помощи М.Д., а также в разглашении адвокатом А. сведений из уголовного дела в отношении М.Д., составляющих адвокатскую тайну, Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения. В свою очередь, М.Д. не являлся лицом, заключившим соглашение с адвокатом А., а являлся лишь получателем его юридической помощи на основании соглашения, заключенного М. По этой причине дисциплинарное производство в части выдвинутого в его жалобе дисциплинарного обвинения в ненадлежащей формализации отношений адвокатом А. с доверителем М. также подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Помимо этого, жалобы М. и М.Д. содержат дисциплинарные обвинения, касающиеся оказания адвокатом А. юридической помощи Г. Однако каких-либо полномочий у заявителей М. и М.Д. на представление интересов Г. не имеется, что подтверждено в заседании Квалификационной комиссии самой М. Каких-либо жалоб от Г. в отношении адвоката А. в Адвокатскую палату города Москвы не поступало. При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в части дисциплинарных обвинений в ненадлежащем исполнении адвокатом А. профессиональных обязанностей в отношении доверителя Г. также подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения. Дополнительно Совет учитывает,

что изменение апелляционным постановлением Московского городского суда от 18 июля 2022 года меры пресечения М.Д. с заключения под стражу на домашний арест было обусловлено удовлетворением апелляционной жалобы адвоката А. на постановление суда первой инстанции.

Дисциплинарные обвинения в оказании адвокатом А. заявителям М. и М.Д. в 2020-2021 годах юридической помощи на основании устных соглашений и получении вознаграждения как наличными, так и в виде денежных переводов на банковскую карту самого адвоката А. или его супруги А., а также в том, что адвокат А. совершил действия вопреки законным интересам доверителя М.Д., оказывал ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне, занимал по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовал вопреки его воле, а также в сотрудничестве адвоката А. с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает необоснованными, поскольку каких-либо подтверждающих его доказательств в материалах дисциплинарного производства не содержится. Совет отмечает, что каждое из этих дисциплинарных обвинений требует представления совокупности подтверждающих его доказательств (пп. 6 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката). Жалобы заявителей М. и М.Д. в рассматриваемой части этим требованиям не соответствуют, а представленные ими документы презумпцию добросовестности адвоката А. не опровергают. При этом в соответствии с пп. 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанность представления доказательств, на которых основывается требование о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности, возложена на заявителя. В связи с этим дисциплинарное производство в части перечисленных дисциплинарных обвинений подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката А. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом А. правил о сохранении профессиональной тайны, выразившемся в предоставлении истцом А. 30 мая 2023 года в ходе судебного заседания мирового судьи судебного участка № ... В. района города Москвы по гражданскому делу № ... по иску А. к матери М.Д. – М.Л. в качестве доказательства обвинительного заключения по уголовному делу № ... по обвинению М.Д. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 и 4 ст. 159 УК РФ, «без подписей и даты».

В заключении Комиссии приведены достаточные обоснования этих выводов, с которыми Совет также соглашается.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката А. за совершенные им дисциплинарные нарушения,

Совет отмечает их умышленный и грубый характер, сопряженный с явным игнорированием адвокатом обязательных профессионально-этических правил поведения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и во взаимоотношениях с доверителями. Совокупность установленных нарушений свидетельствует о недопустимом отношении адвоката А. к исполнению своих профессиональных обязанностей и наносит вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем, учитывая отсутствие у адвоката А. предыдущих нарушений, Совет считает целесообразным предоставить ему возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

нарушение взаимосвязанных положений п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции), п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не вправе давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи или доверителю обещания положительного результата выполнения поручения) и пп. 2, 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката (информация об адвокате и адвокатском образовании не должна содержать... отзывов других лиц о работе адвоката, ...заявлений, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей или вызвать у них безосновательные надежды), выразившееся в указании в период с 25 февраля 2017 года по 23 июня 2022 года на главной странице принадлежащего адвокату А. сайта <www.ru> в разделе «Обо мне» сведений о «95% дел, решенных положительным образом», а в разделе этого же сайта с названием «Умеем решать проблемы» фразы: «Результат только положительный. Никаких вариантов!» и отзывов других лиц о работе адвоката А.;

нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в приложении им 05 декабря 2022 года к исковому заявлению в Г. районный суд города Москвы к ответчику М. о взыскании сумм

неосновательного обогащения, не связанному с его профессиональной деятельностью как адвоката, полученных им в ходе выполнения профессиональных обязанностей по защите обвиняемого М.Д., являющегося супругом ответчика М., процессуальных документов из уголовного дела № ..., а именно копии постановления о привлечении М.Д. в качестве обвиняемого от 31 мая 2022 года, копии отмененного постановления Н. районного суда города Москвы об избрании М.Д. меры пресечения в виде заключения под стражу от 04 июня 2022 года и копии постановления следователя от 28 июля 2022 года о квалификации действий М.Д., в ситуации полного отсутствия какого-либо значения указанных документов для предмета доказывания по данному гражданскому делу.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по жалобе М. от 31 июля 2023 года (вх. № ... от 25.08.2023), в части дисциплинарных обвинений в оказании адвокатом А. юридической помощи ее супругу М.Д. ненадлежащего качества, а также в части разглашения адвокатом А. сведений из уголовного дела в отношении М.Д. и составляющих адвокатскую тайну, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по жалобе М.Д. от 05 октября 2023 года (вх. № ... от 31.10.2023), в части дисциплинарных обвинений в ненадлежащей формализации адвокатом А. отношений с доверителем М. при заключении ею Соглашения об оказании юридической помощи от 31 мая 2022 года в интересах М.Д., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по жалобам М. от 31 июля 2023 года (вх. № ... от 25.08.2023) и М.Д. от 05 октября 2023 года (вх. № ... от 31.10.2023), в части дисциплинарных обвинений в ненадлежащем исполнении адвокатом А. профессиональных обязанностей в отношении доверителя Г., а также нарушении адвокатом А. требований Кодекса профессиональной этики адвоката в отношении Е. и С., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по жалобе М. от 31 июля 2023 года (вх. № ... от 25.08.2023) и жалобе М.Д. от 05 октября 2023 года (вх. № ... от 31.10.2023), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков